

4. Сольвычегодск

Оставив позади большой и шумный новый город Котлас, теплоход, идущий в Сольвычегодск, сворачивает с Двины в устье Вычегды.

Все северные реки — дороги. Вычегда, такая тихая и спокойная в своем нижнем течении, окаймленная поросшими тальником низкими отмелями, была древним путем в глухие леса «Вычегодской Перми», простиравшиеся до Северного Урала. Пушные богатства вычегодских лесов издавна притягивали к себе русских поселенцев. К концу XIV века длинная рука московских князей дотянулась и до Вычегды. На месте разрушенного языческого капища Стефан Пермский воздвиг город Усть-Вымь, ставший резиденцией пермских епископов — фактических владельцев всего края. Местному населению — зырянам — пришлось признать и новую христианскую веру и власть верховных «владык».

В начале XVI века на местной арене появляется новое лицо, которому суждено было стать основателем единственного в своем роде торгово-промышленного дома, подчинившего своему влиянию хозяйственную жизнь всей северо-восточной окраины Русского государства.

В 1515 году недалеко от двух небольших городков — Чернигова и Выбора, на впадающей в Вычегду речке Усолке, у озера Солоники, ставит первую соляную варницу молодой, мало кому известный промышленник Аника Строганов. А в 1570 году, когда умирает монах Иосиф, в миру Иоанникий Федорович Строганов, при

впадении Усолки в Вычегду уже стоит богатый город Сольвычегодск, грозный конкурент торгового Устюга, один из крупнейших центров русского севера. Сыновья Аники — Яков, Григорий и Семен — полновластные владельцы не только Сольвычегодска, но и огромной территории, простирающейся по бескрайним просторам Вычегды, Камы и Чусовой. Нет счета их солеварням, пахотным землям, ремесленным мастерским. Они вершат суд от имени московского царя, им доверяется наблюдение за предпринимательской деятельностью «английских немцев», закупка иноземных товаров и пушнины для царских нужд. Они строят корабли, посылают их в Антверпен, принимают на работу европейских мастеров и моряков. Они на свой страх и риск снаряжают отряд бежавших с Волги казаков и посылают его во главе с атаманом Ермаком Тимофеевичем за Урал покорять Сибирское ханство.

Что ж, Аника мог быть доволен плодами своих трудов. Бешеная энергия, трезвый расчет, железная хватка сделали свое. Такая головокружительная карьера в феодальной России XVI века кажется почти невероятной. Нельзя, конечно, забывать об исключительно благоприятных условиях, в которых развивалась деятельность Строгановых, о безжалостной эксплуатации ими местного «инородческого» населения. Но все это несколько не отнимает у Аники Строганова его исключительной незаурядности. Суровый, скупой делец, до старости носивший кафтаны, доставшиеся от отца и деда, и тративший целые состояния на строительство обставленных с царственной роскошью храмов; хитрый политик, умеющий ладить и с пермским владыкой и с самим Грозным царем; страстный собиратель книг, оставивший после себя огромную библиотеку; основатель целого ряда художественных промыслов, сделавших на какое-то время Сольвычегодск одним из главных центров русского искусства, — все эти качества сочетались в нем, и они стали своего рода семейной традицией рода Строгановых, давшего России целую плеяду промышленников, политиков и меценатов.

Первыми встречают нас в Сольвычегодске высокие громады двух каменных соборов. Самого города еще не видно, а они давно уже высятся вдали над береговыми зарослями. Несоизмеримость их масштабов с более чем скромным окружением не перестает ощущаться и тогда, когда теплоход причаливает к береговому дебаркадеру.

*Благовещенский собор
в Сольвычегодске.
1560—1579*

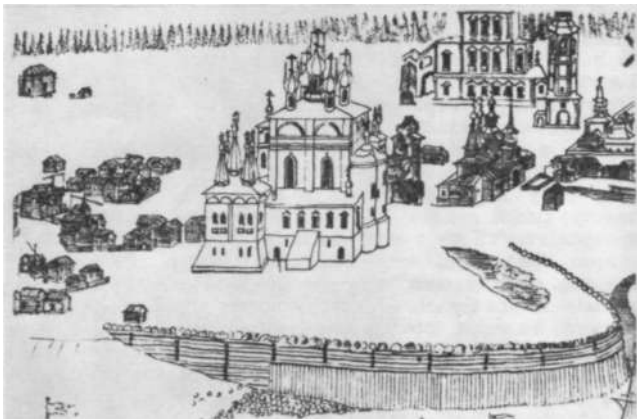
Тихий, почти сплошь одноэтажный деревянный город. Порой перспектива улицы замыкается мирной деревенской картиной: зеленый луг, низкая ограда, сарай у края дороги. На фоне обычной застройки выделяются лишь остатки перестроенных городских церквей да двухэтажный каменный дом в стиле классицизма, едва ли не единственный на всем русском севере. Этот дом, построенный в начале XIX века и принадлежавший богатым горожанам Пьянковым, занят сейчас Сольвычегодским курортом: очень часто на месте старых соляных варниц находят целебные минеральные источники.

Строительством величественных соборов отметил Сольвычегодск начало и конец своего золотого века. Вот недалеко от пристани, почти у самой воды, на невысоком холме поднимается выразительная белая громада Благовещенского собора, заложенного Аникой Строгановым в 1560 году. Как неприступная башня воспринимается он от реки, к которой обращен своей узкой стороной,

необычно завершенной двумя закомарами. Невольно ассоциируются с крепостными башнями и высокие, сильно выдвинутые вперед алтарные апсиды. Подчеркнутая монументальность объема должна была, по замыслу Строгановых, утверждать неизбежность могущества некоронованных властителей обширных северных земель. Многое в облике собора необычно: и количество закомар (он принадлежит к новому, появившемуся в XVI веке типу двустолпных храмов с очень своеобразной конструкцией сводов), и мощный выступ его лопаток, превращающий их в массивные контрфорсы, и широкая полоса орнамента, напоминающая пояса белозерских храмов, проходящая под закомарами без разбора по стенам и лопаткам. Некоторую живописность вносят высокие галереи, обходящие его с трех сторон, с приделами по углам. Эти приделы имели свое назначение: строили собор Аника с сыновьями, и каждый член фамилии имел здесь как бы свою собственную капеллу. Люди практического склада, Строгановы использовали подклеты собора для хранения дорогих товаров. Местное предание говорит и о каменной темнице, в которой томились особо оберегаемые узники.

Благовещенский собор был окружен деревянными постройками — дворами Аники Строганова, его детей и внуков. Рисунок 1793 года, хранящийся в Сольвычегодском музее, счастливо сохранил нам изображение деревянных хором, поставленных Аникой Федоровичем в 1565 году. Состоящие из нескольких соединенных вместе двухэтажных срубов, поставленных на высоком подклете, они имеют сложный силуэт. Один из срубов завершается высокой башней-повалушей с кровлей в форме бочки, рядом — крытая шатром небольшая площадка-смотрильня. К верхним этажам ведет парадное наружное крыльцо. При видимой сдержанности внешнего декора архитектура строгановских хором уже заключает в себе те черты живописности и композиционной свободы, которые столетием позднее получают блестящее воплощение в сказочном великолепии знаменитого дворца Алексея Михайловича в подмосковном царском селе Коломенском.

Впечатление, производимое собором, прежде было, конечно, еще более сильными. Сейчас оно ослаблено поздним переделками. Не выжугся с монументальным объемом жиденькие главки XVIII века, перестроена вся южная галерея. Рисунок 1793 года показывает у юго-западного угла любопытный пятишатровый придел,

*Благовещенский собор.
Фрагмент панорамы
Сольвычегодска
1793 года*

относящийся, видимо, к XVII столетию; сейчас на его месте унылая постройка XIX века. Очень повредила собору и новая, непропорционально большая колокольня.

Особое старание приложили Строгановы к внутреннему украшению храма. В 1600 году собор и один из приделов были расписаны московскими мастерами Федором Савиным и Стефаном Арефьевым «со товарищи». Фресковые росписи сочетались с богато убранным иконостасом, главные иконы которого были заказаны лучшим мастером царской Оружейной палаты — Прокопием Чирину, Истоме Савину, Назарию Истомину. Работа царских мастеров по заказу Строгановых в свое время послужила даже поводом для зачисления их, а с ними и всей московской иконописи конца XVI века в «строгановскую школу». И хотя недоразумение давно разрешено, условный термин «строгановская школа» до сих пор применяется для обозначения целого направления в русской иконописи. Работы Прокопия Чирина и его

*Благовещенский собор
и палаты Строгановых
Реконструкция автора*

сотоварищей отличают исключительно тщательная, миниатюрная манера письма, сочная гамма красок, особая любовь к узору, орнаменту, когда вся икона воспринимается как сложный драгоценный узор. Красочные иконы Благовещенского собора были убраны басмой и дорогими камнями. К сожалению, позднее многое было изменено. Фресковые росписи замазаны ремесленной масляной живописью. Иконостас тоже переделан, хотя многие иконы и сохранены. О великолепии и изысканном вкусе внутреннего убранства храма в XVI веке дают представление царские врата, украшенные прорезным рисунком из олова, под который подложена слюда по цветному фону. Сольвычегодский музей хранит и многие другие сокровища прикладного искусства XVI—XVII веков, связанные с Благовещенским собором.

В украшении собора в XVI, а позднее в XVII веках приняли участие и многочисленные местные мастера самых разных художественных специальностей.

Строгановы организовали в Сольвычегодске целый ряд мастерских. Были среди них и иконописные, изготовлявшие иконы более или менее среднего уровня, преимущественно на продажу. Но наибольшую известность получили строгановские золотошвейные мастерские. Из них выходили покровы, плашаницы, пелены — своего рода иконы, выполненные из цветного шелка, золотых и серебряных нитей. Среди произведений «лицевого» шитья XVII века изделия строгановских мастерских отличаются исключительно высоким художественным и техническим уровнем, редким богатством отделки. Особенно выделяется покров с изображением Сергия Радонежского, вложенный в Троице-Сергиев монастырь в 1671 году Анной Ивановной Строгановой, которая сама была искусной мастерицей и стояла во главе строгановских мастерских в период их наивысшего расцвета. Весь шитый золотными нитями, с контурным рисунком, низанным жемчугом с драгоценными самоцветами в

*Царские врата
Благовещенского собора.
XVI век*

нимбе, он напоминает икону, убрannую дорогой ризой. Стройная, удлиненная фигура святого выдержана в лучших традициях древнерусской иконописи. Замечателен строгий, одухотворенный лик Сергия. Темный контур вокруг лица, обычный для шитья XVII века, выполнен с большим тактом. Вопреки установившейся традиции по краю покрыва вместо обычной надписи даны клейма с изображением сцен жития, что усиливает его сходство с иконой.

Сольвычегодск был одним из крупных центров ювелирного дела. В самом соборе и ризнице сохранились серебряные, украшенные чеканкой и позолотой, убранные камнями и жемчугом оклады икон, драгоценные церковные сосуды, кресты, маленькие резные иконки, по рамкам которых наложен тонкий узор из крученой серебряной проволоки — скани. Сольвычегодские мастера освоили и сложное искусство наведения эмали. Очевидно, учителями их были устюжане, так как дол-

*Чаша усольской эмали
из коллекции
Государственного
Исторического музея.
XVII век*

тое время сольвычегодская финифть по технике и манере исполнения мало чем отличалась от устюжской: в скани выполнялся контурный рисунок — стилизованный растительный орнамент, а промежутки заполнялись цветной эмалевой массой. Только в последней четверти XVII века появляется в Сольвычегодске живописная эмаль, сразу выдвинувшая строгановские мастерские на первое место в русском финифтяном деле. Произведения сольвычегодских эмальеров конца XVII века имеют свой, очень четко выраженный художественный почерк. На снежно-белом фоне размещаются крупные изображения цветов — мака, подсолнуха, тюльпанов, выполненные в реалистической манере яркими желтыми, синеголубыми и зелеными красками. В середине часто помещаются клейма с сюжетными изображениями — зверями, птицами, юношами и девушками, библейскими сценами, аллегориями. Сюжеты заимствованы из привозных западноевропейских гравюр — «фряжских листов»

и украинских лубочных картинок. Подражание деревянной гравюре очень ясно заметно и в способе наложения теней крупной перекрестной штриховкой. Сольвычегодские живописные эмали или усольские эмали, как их обычно называют, ярко воплотили рост светских и реалистических начал в художественной культуре России конца XVII века. Они оказали сильное влияние на все русское, и в частности московское, эмалевое производство.

Резкий перелом в технике и стиле строгановских эмалей в конце XVII века был, по-видимому, связан с появлением новых мастеров. Известно, например, что в сольвычегодских мастерских работали в это время украинские эмальеры. Но вряд ли приходится сомневаться, что в организации производства живописных эмалей большая роль принадлежала Григорию Дмитриевичу Строганову.

Это был человек нового склада. Несмотря на унаследованную еще от Аники Строганова страсть к собиранию старых рукописных книг и увлечение церковным пением, он принадлежал к кругам западников. Вероятно, этому в немалой степени способствовали и давние торговые связи Строгановых с Западной Европой. Григорий Дмитриевич был одним из сподвижников молодого Петра. В годы войны с Турцией он на свои средства построил и оснастил два фрегата в Воронеже и два судна на Архангельской верфи. Впрочем, он мог себе это позволить: огромные богатства, разделенные после смерти Аники Федоровича между несколькими ветвями строгановского дома, вновь сосредоточились в его руках. В его владения входило девять с половиной миллионов десятин земли, двадцать городков, сотни деревень и починок с пятнадцатью тысячами душ взрослого мужского населения. Живя постоянно сначала в Нижнем Новгороде, а позднее в Москве, Григорий Строганов бывал в Сольвычегодске лишь наездами. Но старое родовое гнездо все еще пользовалось его особым расположением. В 1689 году он начал строительство каменного собора в городском Введенском монастыре — замечательного памятника русского барокко конца XVII столетия.

Введенский монастырь находится поодаль от берега. От остальных его построек мало что осталось. Собор один господствует над тихими полудеревенскими улочками. Огромный, несколько громоздкий, он, может быть, даже и не так уж красив по своим объемам. Но, подойдя к нему ближе, сразу забываешь об этом, пора-

*Собор Введенского
монастыря
в Сольвычегдске.
1689 — 1693*

женный богатым, исключительно сложным и разнообразным белокаменным декором, наложенным на нежно-розовый фон кирпичной стены. Формы этого декора имеют очень мало общего со всей предшествующей русской архитектурой. Здесь преобладают мотивы западноевропейского, и прежде всего голландского, барокко. Впрочем, напрасно было бы размышлять о возможном участии в строительстве собора зодчего-голландца, хотя такая легенда и существует. В конце XVII века никто в Голландии уже не украшал фасады вычурной барочной резьбой. Зато русские купцы, ездившие в Голландию, могли видеть красивые старые ратуши с затейливыми наличниками окон на красном фоне кирпичных стен, да и в самой России ходило Немало гравированных увражей, в изобилии доставлявших резчикам и зодчим орнаментальные и архитектурные мотивы. Пышная декорация, подобная той, которая украшает стены сольвычегдского собора, тогда же начала входить в моду в

*Собор Введенского
монастыря. Алтарное окно*

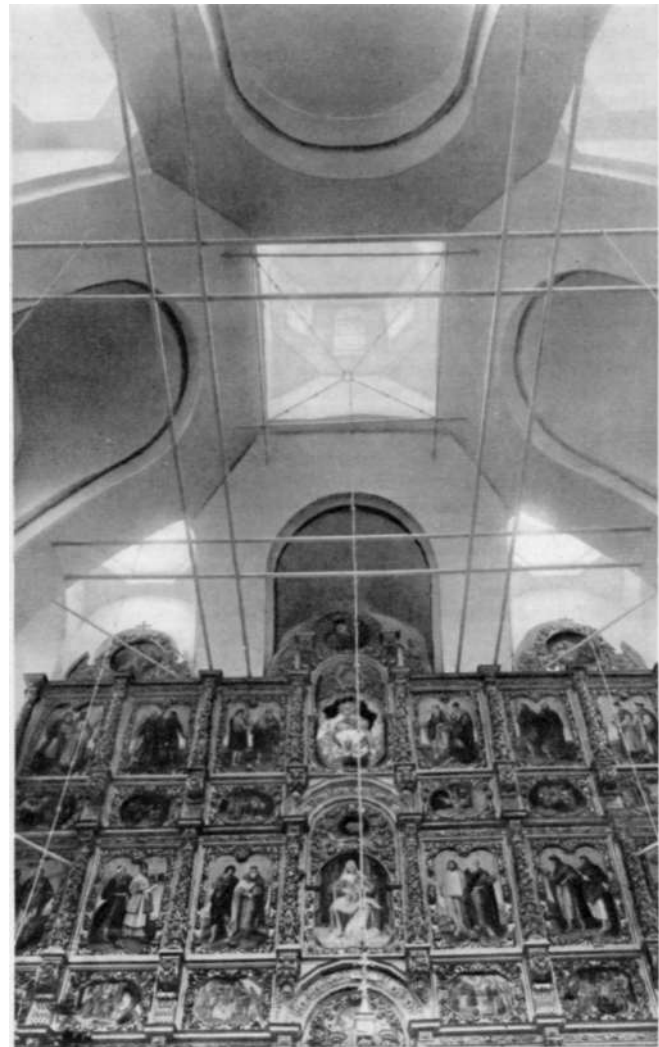
Москве. Она появилась на фасадах церквей, возводимых по заказу крупнейших вельмож, вроде ближайших родственников царя, бояр Нарышкиных. Но полного тождества между ними нет. И собор Введенского монастыря и церкви, построенные вслед за ним Григорием Строгановым в Нижнем Новгороде и Устюжне, представляют особую группу, нечто вроде отдельной «строгановской архитектурной школы».

Образцы старой голландской архитектуры — не единственный источник новых декоративных форм в русском зодчестве. Во внешнем убранстве собора много общего с богатыми резными иконостасами, получившими к этому времени очень широкое распространение. И обрамляющие окна собора завитки растительного орнамента и композиция изумительных по красоте огромных майоликовых панно, помещенных на столбах галереи, находят себе близкие аналогии в деталях деревянной резьбы барочных иконостасов. Особенно похожи на роскош-

*Собор Введенского
монастыря. Иконостас.
Конец XVII века*

ное обрамление царских врат выделяющиеся на белом фоне золоченые обрамления порталов, ведущих в собор с галереи.

После праздничной пестроты внешней архитектурной оболочки интерьер храма поражает своей строгостью. Громадный, своеобразный по конструкции свод, прорезанный распалубками и пятью световыми барабанами, подхвачен пилястрами строгого классического ордера, поднятыми на высокие постаменты. В противоположность измельченности наружного декора внутри царит дух логически четкой конструкции, большой архитектурной формы. Весь декоративный эффект сосредоточен на грандиозном семярусном золоченом иконостасе. Его пышная барочная резьба выполнена бригадой резчиков во главе с московским мастером Григорием Ивановым. Живопись иконостаса резко отличается от привычных образцов иконописи XVII века. Не только композиции, но и сама реалистическая трактовка фигур

навеяны западноевропейскими образцами. Основные иконы были выполнены в 1693 году дворовым человеком Строгановых Степаном Дометиевым Нарыковым, которого посылали за границу обучаться живописи. (Вспомним, что первые художники были посланы Петром в Италию и Голландию только четверть века спустя.) Любопытно, что другое известие говорит о Нарыкове как о «персоннике» (то есть портретисте), выполнившим с натуры «архиерейскую персонь» холмогорского архиепископа Афанасия.

Реалистическая живопись икон, архитектура собора, новая для XVII века и столь чуждая всему окружению, появились как результат тех новых тенденций в русской культуре, которые уже до Петра во многом подготовили почву для петровских реформ. И то, что они появились именно в Сольвычегодске, связано, несомненно, с личностью Григория Дмитриевича Строганова.

Сооружение Введенского собора было последней блестящей страницей в истории Сольвычегодска. Преемник Григория Строганова побывал в своем родовом гнезде только один раз. Найдя сольвычегодские варницы убыточными, он распорядился закрыть их. Почти тогда же по благосостоянию города были нанесены еще два удара. Перенесение Сибирского пути с Вычегды на Каму и закрытие Архангельской морской торговли свели на нет торговое значение Сольвычегодска. Городская жизнь замерла. Еще в середине XVIII века отсюда в Москву выписывали мастеров для обучения московских ювелиров финифтяному ремеслу. А к началу XIX века художественные промыслы Сольвычегодска прекратили существование.